

Пушкин И Каракалпакская Литература (На Материале Творчества И.Юсупова)

Ешниязова Эльмира Наурызбаевна¹

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь и взаимовлияние литератур, влияние творчества А.С.Пушкина на творчество каракалпакского поэта И.Юсупова.

Ключевые слова: Литература, творчество, традиции, влияние, взаимосвязь, сходство, своеобразие.

В мировой литературе нет отдельно взятых, развивающихся только по своему пути национальных литератур, все они взаимосвязаны, влияют друг на друга, учатся друг у друга, продолжают и развивают традиции. Каракалпакская литература тоже не исключение, развивается и продолжает традиции мировой литературы.

Когда мы рассматриваем влияние А.Пушкина на каракалпакскую литературу, нужно отметить тот факт, что многие каракалпакские поэты в своих произведениях создавали образ поэта Пушкина, например, в творчестве таких каракалпакских поэтов как Д.Назбергенов, М.Касымова, Н.Жапаков, А.Бегимов, И.Юсупов и др. [1]

В стихах каракалпакских поэтов [1; с.309, 363-364, 392.] был создан образ А.Пушкина, который воспевал свободу, звал к добру и счастью, поэтому ему была дарована любовь народа, он бессмертен, его стихи и поныне читают наизусть и выражают свои чувства по отношению к поэту.

Кроме этого, каракалпакские поэты глубоко изучают творчество А.Пушкина. Например, талантливый каракалпакский поэт И.Юсупов еще в детские годы прикоснулся к волшебному слову Пушкина, и с тех пор это имя для него – одно из священных. Именно пушкинское имя становится для И.Юсупова синонимом русской литературы, воспринявшей свободолюбивые заветы великого поэта:

От лицейских садов до метельной Сибири,

Закандаленной в цепи,

Жандарм тебя вел.

Но тебе удалось.

Самой праведной в мире,

Расшатать ненавистный российский престол.

Ты смотрела в холодный зрачок пистолета,

Не желая поддаться жестокой судьбе.

Озорного певца

Бунтаря и поэта,

Беспокойное сердце клокочет в тебе.

Песня русская!

Верь, не затронула пути

Одного из крупнейших поэтов твоих.

Я читал его сказки в родимом ауле

И старухи с волнением

Слушали их. [5;с.21.]

Многие произведения И.Юсупова написаны под несомненным воздействием Пушкина. Стихотворение «Воспоминание на ивовом берегу» несет в себе пушкинскую окраску. В элегии Пушкина «Вновь я посетил» мы встречаем младую рощу» разросшуюся «зеленую семью» - то «незнакомое», «младое племя», что сменит уходящее

¹ кандидат филологических наук, Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза г.Нукус, Республика Узбекистан

поколение. И у И.Юсупова подросшие ивы как бы символизируют неумолимый ход времени. Более того, у него «младое племя» обретает конкретные черты соседского мальчика:

И вижу я, бежит мальчишка прямо
Навстречу мне и окликает: «Дядя,
Зайдите к нам, вас приглашает мама!»
И замер я, в глаза мальчишки глядя,
Да, твою мать, милый мой, я знаю-
Ты смотришь, а мне кажется, что снова
Та девушка смеется озорная... [6; с.43]

Элегический стих, пушкинская символика, интонация со всей очевидностью свидетельствуют, что каракалпакский поэт здесь учится у русского классика. Влияние Пушкина сказывается в самой предметной структуре стихотворения, в поэтических ходах. И тем не менее стихотворение это не подражательное, ибо вся ее атмосфера проникнута самостоятельным национальным и историческим звучанием.

Влияние Пушкина на творчество И.Юсупова проявилось и в «Сказе о старом фонтане». Время и сам предмет изображения здесь совпадают с поэмой Пушкина «Бахчисарайский фонтан». «Сказу о старом фонтане» И.Юсупов ставит эпитафию из пушкинской поэмы: «Скажите мне: чей образ нежный тогда преследовал меня, неотразимый, неизбежный?» Данный эпитафия как бы заранее предрешает подчиненность авторской идеи пушкинскому замыслу. И начало «Сказа о старом фонтане» перекликается с пушкинской поэмой.

В поэмах «Бахчисарайский фонтан» А.Пушкина, «Сказ о старом фонтане» И.Юсупова рисуется образ грозного восточного владыки-деспота, но в поэме каракалпакского поэта изображается уже старый Гирей хан, влюбленный в юную грузинскую девушку.

И.Юсупов пишет свой вариант легенды о фонтане. В его «Сказе...» также есть прекрасная грузинка по имени Дилара, но это скорее Мария, чем Зарема. Дилара, как и Мария, умирает в неволе, и здесь сюжетное и идейное расхождение с пушкинским вариантом древней легенды выступает явственно. Собственно, оно обнаруживается даже раньше. Хан, добывающийся прекрасной грузинки, зовет переводчика и просит передать Диларе, что он наградит ее за любовь всем, чем только она пожелает. Но переводчик говорит девушке совсем другое:

«Страшнее болезни тоска
По родине сердце мне точит.
А родина так далека!
Я-мастер!
Ты знаешь, что камни,
Как люди, имеют сердца?...» [2;с.6]

Здесь впервые появляется образ камня, имеющего сердце, душу, что и явится «зерном», сердцевиной всей поэмы. Переводчик, пораженный красотой Дилары, признается ей в своем чувстве.

Однако тема эта не получает развития, «гаремный» роман не состоялся. Героиня гибнет, и чувства, владеющие как деспотом, так и рабом, находят выражение в той работе, в которой по велению хана приступает мастер. Он обязан сделать памятник, символизирующий любовь Гирея:

«...вспомни искусство свое:
Пусть камень заплачет, как ныне
Заплакало сердце мое». [2;с.6]

И мастер, уподобленный здесь Фархаду (что еще более отдаляет «Сказ..» от сферы пушкинского протяжения), свершает чудо:

«Он бился над глыбой немой,
Пока не почувствовал в ней
Движение слова живое
И песню о жизни своей.
И глянул тогда он устало
Суровому камню в глаза,

И мастеру в руки упала

Из сердца

Той глыбы слеза... [2; с.6]

«Сказ о старом фонтане» И.Юсупова, таким образом, начинавшийся как поэма о загубленной любви, превратился в гимн труду и мастерству человека, вдохновленного этой любовью. Подвиг мастера-следствие его любви и порыва к свободе.

В поэмах А.Пушкина и И.Юсупова создан образ строгого евнуха, который следил за порядком в гареме Гирей хана. Данный образ одинаков в поэмах, он злой, следит за всеми женщинами в гареме, и все что происходит даже в «душе» женщин в гареме понятны евнуху. Например, у Пушкина:

Меж ними ходит злой евнух,

И убежать его напрасно

Его ревнивый взор и слух

За всеми следует всечасно.

Его стараньем заведен

Порядок вечный. Воля хана;

Святую заповедь Корана

Не строже наблюдает он.

Он по гарему в тьме ночной

Неслышными шагами бродит

Ступая тихо по коврам,

К послушным крадется дверям,

От ложа к ложу переходит;

В заботе вечной, ханских жен

Роскошный наблюдает сон,

Ночной подслушивает лепет,

Дыханье, вздох, малейший трепет-

Все жадно примечает он;

И горе той, чей шепот сонный

Чужое имя призывал

Или подруге благосклонной

Порочны мысли доверял! [4; с.34.]

Таким же изображен евнух в поэме И.Юсупова «Сказ о старом фонтане»:

Чуткий евнух верный страж хана

Если упадет лист и будет шелестеть в саду,

Или одна из женщин сделает неправильный шаг,

Он сразу же станет сомневаться.

Томясь в ожидании светлого дня

В клетке среди четырех стен

Красавицы терпели унижение

Если во сне невзначай произносили имя мужчины.

(Подстрочный перевод Е.Э.) [7; с.121.]

В поэмах А.Пушкина и И.Юсупова мастерски созданы образы пленниц, если у А.Пушкина польская княжна Мария и грузинская красавица Зарема, то у И.Юсупова только грузинская пленница Дилара, как ранее было отмечено,

образ Дилары в поэме И.Юсупова совпадает скорее с образом Марии в поэме Пушкина, а мотив «соперничества» в поэме И.Юсупова отсутствует, поэтому нет необходимости создания еще одного женского образа.

Таким образом, традиции А.С.Пушкина проявляются в каракалпакской литературе в различных формах. Во-первых, поэты посвящают свои собственные сочинения Пушкину и создают образ Пушкина, во-вторых, пользуются мотивами произведений Пушкина, его интонацией, продолжая и развивая его традиции, в-третьих, пользуются одинаковым сюжетом, но не повторяют сюжеты произведений А.Пушкина, а выражают свое собственное отношение к сюжету.

Список литературы:

1. Антология каракалпакской поэзии, Ташкент 1968.
2. «Звезда Востока», 1973, №8.
3. История каракалпакской советской литературы, Ташкент, 1981.
4. Пушкин А.С. Поэмы, Ташкент, 1981.
5. Юсупов И. Песни горного ручья, Москва, 1960
6. Юсупов И. Меридианы сердца, Москва, 1966
7. Юсупов И. Течение века, Нукус, 1968.